

Что ни край, то обычай.

По лесным деревьям на Узоле бродит старинное русское словечко: карачун. Вымолвишь его вслух, и мысленному взору в минуту померещится древнее косматое чудище из сумерек нашей языческой истории!.. Зато смысл его разбирает и стар и мал: карачун – это извод на корню чего-нибудь или кого-нибудь.

Может, в других местах, стесняясь матерных слов, коротко отрежут, мол, «капец!» – вроде немецкого «капут!». Но здесь в открытую говорят: карачун! – словно подводят роковую черту, вгоняют в гроб, вбивают осиновый кол!..

«Айда, братцы, на карачун!» – зазывали предки идти в лес на медведя. И ещё одно в памяти всплывает, слово в слово, когда отцы и деды уходили на войну: «Зададим фашистам карачуна! Где наша не пропадала!..»

Говоря без обиняков, словечко выпало из колыбельки старинного народного медвежьего промысла, которым традиционно занимались охотники в здешних местах.

Такова уж истина из первых рук, и привели мы её здесь к сведению заезжих и захожих гостей. А уж свои-то на этом зубы съели! Что, мол, скажешь, кум Исакич? – А что спросишь, кум Абрамыч! И выдадут тебе про карачун с три короба – за Боже ты мой!

В наших краях задают медведю карачуна, ни много ни мало, два раза в год: зимой и летом. Только зимний карачун дороже летнего!

Во-первых, подпадает он аккурат на Спиридона-солнворота, когда, по народному календарному выражению, солнце идёт на лето, зима на мороз, а мужик, стало быть, – на медведя! В Спиридоньев-день, минута в минуту, косолапый переворачивается в берлоге с одного боку на другой. Никто не видел и не проверял, да мы и спорить не будем!

Во-вторых, как ни крути, а зимний карачун – из другого теста: мужики ходят на него с верным расчётом на успех. Ведь предмет охоты сидит в берлоге, что тебе фриц в окопе, – обложи его со всех сторон да и выкуривай его помаленьку – куда он денется?!

У летнего же карачуна, брат, иная подоплёка.

Медведь летом на воле ходит барином, жирок себе нагуливает. Слухом чуток, глазом востёр, нос по ветру держит; охотника учует за версту! Мудрено взять его с маху. Если только бить издали, да чтобы рука не дрогнула. Тут попотеешь, хоронясь на засидках. Когда спадёт малина, черника, голубика, брусника и прочие ягоды, косолапый переключается на молочные, ещё не созревшие овсы. В сумерках он тихо выходит из леса. Остановится в зарослях, послушает, стоя против ветра, шупает чёрными ноздрями вечерний влажный воздух, стараясь угадать, нет ли поблизости человека; выходит на овёс, загребая лапой метёлки, – чмокает, обсасывает их... А в это время ты затаился, сидишь на лабазе – ну, такой самодельный помост для засидки на дереве: ни кашлянуть, ни курнуть, не шевельнуться, даже если тебя всего облепили комары, – медведь чуток и крайне осторожен. Дождёшься удобного момента, тогда и спускай курок – ни пуха тебе, ни пера! Легко сказать: на деле сплошь и рядом бьют очертя голову да закрывши глаза – авось как-нибудь да зацепит, а потом, если что, можно догнать лайками и добить...

Бывает зачастую, что медведь сам тебя на пушку возьмёт – поманит в сторону, обойдёт кругом да в чашобу глухую заведёт, и будешь ты заблудшим фофаном по лесу плутать... Умеет, чертяка, напускать мару на глаза! А нашего брата, охотника, хлебом не корми, дай только языком почесать про эту мару! Ну ладно, можно бы и проглотить байку, как его там косолапый за нос водил да по лесу кружил... Но когда он впаривает тебе небылицы про медвежий гипноз и как при этом медведь испаряется прямо у тебя на глазах – ну, это уже, с позволения сказать, не для компанства, а ради приятства!.. И ведь Христом-Богом клянётся, мол, с ним ровно такой случай и вышел: стоит медведь аккурат перед глазами, а он, веришь ли, в упор не видит зверя! Мара, и всё тут! Потом что-то прокнулось из тумана... Пригляделся – ба! – родная тётца, да со скалкой в правой руке!..

– Во хмелю, братец, увидишь и чёрта! – резонно замечают рассказчику трезвые на голову слушатели. – Пить надо меньше! А уж выпил, так закусывай!..

На Воздвиженье, едва птица двинется в отлёт, косолапый начинает кочевряжиться; все думы – о берлоге, оттого керкает да муташится, ровно капризное дитя перед сном. И хвастливому охотнику кажется, будто зверь сам в руки лезет – опасности не чувствует, рассеян, на глазах туман, – бери его врасплох, не прогадаешь!..

Ан нет! Медведь – думец и хитрован: где надо, лисой прикинется, а где и стремглав рванёт в атаку! Не приведи бог кому в эту пору задеть его неумелым выстрелом: чума на всю округу от шатуна! Бывалый охотник спокойно ведёт зверя до самой берлоги, тайно наблюдая за ним со стороны; по разным приметам, какие оставляет за собою полусонный керкун, намётанный глаз охотника определит его силу и вес, а заодно и время, когда он уж верно отойдёт ко сну...

Обычно с Егория, когда декабрьские сугробы улягутся, медведь в берлоге крепко засыпает. Наконец-то! Охотник-следопыт посылает медвежатникам заветную весточку: «Наши спят»... А значит, уж близок Спиридоньев день – пора расчехлять ружья, набивать патроны, укладывать снаряжение... Грядёт большой зимний карачун!

Особые хлопоты у главного чарника, Герасима Гаранина, – ему как главному «алхимику» в очередной раз готовить традиционное ритуальное зелье карачун. Вот уже тридцать лет он готовит для охотников круговую чару. В доме у него, как у старинного знахаря: на полках и стеллажах – баночки с мазями, кулёчки с травами и пряностями, скляночки с эфирными маслами, спиртами, настойками... Повсюду книги с рецептами по изготовлению лекарственных напитков, зелий, коктейлей; стены облеплены этикетками от винных и водочных бутылок... Его дед, Федосей, был чарником карачуна ещё при царе, оставался им и после Октябрьской революции; с тех пор этот крест несут все его потомки по прямой линии. Какие новые символические добавки окажутся в старинном рецепте на этот раз? Перед началом охоты круговая чара с волшебным зельем поочерёдно обойдёт участников карачуна, очерчивая вокруг охотничьего застолья обереженный круг, чтобы с пищей и мыслями в кровь не проникла нечистая сила, а из круга не вздумала бы улизнуть охотничья удача!

2

Про наш карачун не слыхал разве что глухой! И в газетах нём писали, и по телевизору казали... Слух о нём перешагнул в иные земли и, веришь ли, достучался до одного немецкого миллиардера по имени Отто Бухлер!

С давних времён охота на медведя в лесах Баварии была главным родовым пристрастием Бухлеров. У всех мужчин этого старинного рода проявлялась охотничья косточка, а с нею сильна была и заповедь: не довольство, а охота человека тешит. А уж охоту тешить – не беда платить! И они на эту страсть денег не жалели. У них были самые дорогие охотничьи ружья; их родовой коллекции завидовал сам рейхсмаршал Геринг, который также был страстным коллекционером стрелкового оружия. Родовое поместье Бухлеров было сплошь увешано охотничьими трофеями, неоспоримыми знаками охотничьей славы представителей рода. И как только прошёл звон про карачун на Узоле, взыграло ретивое у богатого отпрыска, глаза разгорелись, и брюхом захотелось. Так захотелось, что вынь да положь: хочу, говорит, в Россию, посмотреть своими глазами на этот русский карачун! И чтобы там – полный натюрлих: с мужиками водочки попить, в русской баньке попариться, а уж потом всюю ордою в лес – медведя карачунить!..

Во, брат, дела! Это без денег ты червяк, и звать тебя никак, а при деньгах – Отто Бухлер! И самому Богу можешь ответ дать! Тут ещё и сорока на хвосте принесла, дескать, сей немец Отто – чуть ли не родной племянничек ихнему канцлеру!.. Смекаешь, какого полёта птицато?! И кто ж от такого клиента откажется просто так! Да наши за него в доску расшибутся, если надо – рельсы ему до самой Узолы проложат и живого медведя на прицел выведут – будь добр, герр Бухлер, только пальчиком нажми на спуск!..

Решился Отто Бухлер: попытка не пытка, и уж что ни будет, а поставлю на своём. И посылает он к нам своего доверенного человека

разведать это дело. Приезжает немецкий посланец сюда, к местным властям, выкладывает им на стол необычайно выгодное коммерческое предложение: один миллион евро за настоящий зимний карачун с прямым участием господина Отто Бухлера!

Такого случая тут ждали, как Христова Рождества: район-то весь в долгах как в шелках, без денег нынче как без мази, – всё кругом скрипом скрипит. Видно, мол, сам Господь решил послать нам этого благодетеля-миллиардера! Только вот незадача: с марта приняли закон о запрете охоты на медведя в берлоге, – видишь ли, каждый год в стране гибнет от рук охотников не одна сотня медведиц и маленьких медвежат. Ведь раньше разрешалось отстреливать всех животных, которые находились в берлоге, в их числе и новорождённых медвежат. И надо же такому случиться! – приняли закон именно перед тем, как у нас нарисовался этот миллиардер Отто Бухлер! По совести сказать, деньги нынче перевалиют любой закон! Чай они и есть – высший закон! Предложение приняли с маху – мол, добро пожаловать, герр Бухлер! Мечтаем с вами познакомиться и сказать друг другу приятное! Любой ваш каприз – за ваши денежки! Мир, дружба, фрэндшафт!!!

По случаю приезда в наши края важного немца доблестное охотобщество «Узола» созвало на чрезвычайную сходку всех своих членов. Вопрос стоял ребром: как бы не осрамиться перед Европой, – принять и обслужить «чуть ли не родного племянничка ихнего канцлера»?! На сходку стремглав примчались глава района и начальник местной полиции. С порога в один голос: мужики, Христа ради, выручайте! Уж не посрамите район. Клиент шибко богатый! Он этой охотой бредит, не пожалеет никаких денег, если ему потрафит! Обещает подарить районной больнице дорогое немецкое оборудование и, уж конечно, даст на развитие вашего охотоведческого хозяйства!..

Мужикам такие посулы – бальзам на душу. Выслушали они районное начальство со всей своей любовью и зуб дали, что карачун гостю будет обеспечен – мама не горюй! Есть, мол, тут у них «в разработке» два «президента» – так они окрестили предмет охоты, чтобы не спугнуть удачу! Пасут эту парочку ещё с прошлого года! Уж доподлинно замечено, что залегли они в своих старых берлогах, где, никем не потревоженные, перезимовали предыдущую зиму! Считай, оба у них на мушке!

– Ай, да молодцы! – похвалил глава района. – Видишь, Иваныч, какovy у нас орлы! – обратился он к начальнику полиции.

– Подтверждаю, – неласково буркнул главный полицейский. Но тут же сделал охотникам деликатное внушение: мужики, вы, мол, аккуратнее со словами-то, называть медведя «президентом» да ещё подчёркивать, что у вас на мушке аж «два президента», – про всякое могут подумать...

– На что намекаете, начальник? – был резонный вопрос.

– Ясное дело, на что... – Иваныч многозначительно ткнул пальцем в небо, дожидаясь, пока проявится нужная реакция.

– А-а, – дошло до охотников. – Упаси нас бог, – засмутились они, – мы так высоко и в мыслях не взлетаем. Просто думали, раз уж медведь у нас теперь официальный тотем президентской партии, то и решили, без всякой задней мысли, такую кличку ему и подобрать: Президент!

– Логично, – снова буркнул в своей манере начальник полиции. – За устное народное творчество у нас пока не сажают...

На том и разошлись.

Сегодня миллиардеру из Германии шагнуть напрямик в нашу лесную глушь – как два пальца об асфальт. Его с почётом доставили на российском военном вертолёте. Для встречи важного гостя подняли на уши всю новоиспечённую полицию района. Согнали лучших гармонистов и частушечников округи. Встречали хлебом-солью, блинами да мёдом, под задорные частушки, наспех состряпанные по такому случаю народными остроловами:

За рекою, на полянку
 Вертолёт военный сел.
 К нам в деревню на гулянку
 Отто Бухлер прилетел!
 Он – любитель форс-мажора,
 Парень бравый и ващще...
 Мне б такого ухажёра –
 С вертолётном и в плаще!..

Чёрта лысого! На парня бравого, любителя форс-мажора он не тянул – так себе, невысокий толстячок лет пятидесяти, рябой, белобровый, с пивным брюшком да в очках с большими линзами от близорукости. Шут с ним, будь он хоть обезьяной, никто бы в упор не заметил: важнее очевидного – тот покоряющий факт, что у этого мерина денег немерено! Ведь нынче по деньгам и почёт. А кого почитают, того и величают.

Бухлер сносно говорил по-русски, так что в переводчике не было надобности. Более того, он отправил в отпуск личную охрану, советников и службу. Зато прихватил свою верную зверовую овчарку Грету, натаस्कанныю на медведя. И, конечно, отборное охотничье снаряжение от германской оружейной фирмы «Зауэр».

Как показали первые шаги знакомства, гость очень быстро нашёл язык с охотниками. Из вертолёта выставили два ящика водки с хорошей закуской – поддержать церемонию знакомства! Толстячок Бухлер оказался «свой в доску мужик»: даже фамилия по звучанию прямо намекала на русский глагол «бухать» в его алкогольном значении, реально отражая склонность хозяина к выпивке. На такой радости для дорогого гостя зажарили кабанчика на вертеле. Бухал Отто решительно, засучив рукава... И наши – чёрт возьми! – старались не отставать. Когда градус тёплой встречи стал зашкаливать, поднялся председатель охотобщества Куландин и торжественно запечатлел на мясистых губах Бухлера братский засос, повторив известный по фотографии исторический поцелуй в губы Брежнева и Хонеккера. И на этом решили поставить точку. Всё, мол, камрад Бухлер, ты, брат, бухай, да не ухай! А мы-то свою меру знаем... Дальше у нас по программе – банька! Готовься, мол, будем из тебя жирок сгонять!..

Банные процедуры – прямая привилегия самого Куландина: ни у кого другого не поднялась бы рука хлестать берёзовыми вениками живого миллиардера, допекая его паром до самых печёнок! Лёжа на банных полках, бедняга Бухлер то стонал и охал от блаженства, то вдруг истерично выкрикивал, не помня себя:

– Арбайтен, шнелле-шнелле!!!

Пока проходило банное чистилище, полицейская машина доставила в Дом охотника очередную партию бухла, и сладкие тосты за знакомство продолжались на пленэре у костра...

Да уж, что ни говори, а нашей русской готовности и умения обласкать заезжего и захожего гостя могут позавидовать другие народы: здесь наша слава, честь и хвала безраздельные и беспримерные! Кажется, русское радушие оттого велико и сильно, что в этой бесприветной северной стране, среди бесприветной природы люди научились ценить чужую нужду в приюте. Особенный градус этому доброму и высокому чувству добавляет модное нынче «платное гостеприимство». Тут уж широко раскрыты наши ворота для званных и незванных, как бы подчас ни были неудобны последствия...

Лишь после третьих петухов гостя удалось дотащить до постели. В горницу сложили всю его германскую амуницию и охотничье снаряжение. Рядом на коврике уснула его овчарка Грета. У дверей караулить сон высокого гостя взялись два авторитета из местного охотничьего кичмана – Исакич и Абрамыч. Поскольку обоих звали Петрами, охотники окликали их по отчеству, чтобы не путаться.

– Теперь нашего немца и пушкой не добудишься! – мечтательно заключил Исакич.

– Твои бы слова да богу в уши, – отозвался Абрамыч, укладываясь на топчан у порога.

Едва в Доме охотника прикорнули, – и часа не прошло: чу! – вдруг шум да грохот, ровно земля взошла по камню, да громкий лай собаки, прерываемый истерическим воплем:

– Арбайтен! Арбайтен! Шнелле-шнелле!!! Дранг нах карачун!!!

Караульщики как шилом подняло: что? где? кто?! Глядь, стоит в дверном проёме аника-воин Отто Бухлер: на нём трусы в красный горошек, на голове походный котелок, а в руках ружье «зауэр» с вертикальными стволами и оптическим прицелом...

Исакич ни жив ни мёртв: поджилки трясутся, язык отнялся. Рядом торчком стоит Абрамыч, держит руки по швам, в глазах мольба застыла,дохнуть не смеет.

– Битте, битте!!! Фстафать!!! – глаза у немца налились кровью, мечут громы-молнии.

– Мил-человек, и чего тебя так припекло-то! Уж не торопи умирать, дай состариться, – взмолился Исакич, осеняя себя крёстным знамением.

– Я софсемготофф! Нах карачун!!!

Тут Абрамыч, ровно бесплотный ангел, сошедший с небес, робко пошаркал к горячему баварскому парню и прошептал ему на ухо пару ласковых:

– Мужик, ну чё ты землю роешь – кукушка ещё не прилетела...

Бухлер с минуту соображал, переваривая странную весть о том, что кукушка задерживается с прилётом...

– Яволь, – кивнул он. – Дать мне знать, когда прилетит кукушка...

– Сделаем, только не входи в амбицию!

Охотники взяли гостя под белы ручки и повели к кровати; сняли с него «экипировку», уложили, накрыли одеялом... И сон в один мах перевалил Бухлера.

Вот наконец-то грянул долгожданный день преподобного Спиридона, епископа Тримикийского, известный в народе как «Поворот-Спиридон», – он-то, сердечный, и знаменует возврат солнца с зимы на лето, а мужика поднимает на медведя.

Неяркое декабрьское светило робко вскарабкалось на кромку леса и лениво повисло, не проявляя никакого желания играть в солноворот. На опушке выстроились наготове лучшие представители охотничьего товарищества «Узола». Завершены приготовления – не к теще на блины, а на грозного зверя готовится поход. Уже в который раз проверено содержимое чехлов, патроны, ножи. Ружья подобраны самые надёжные, которые не дадут осечек и резкого боя, хорошо пристреляны: с десятков двуствольных штуцеров, две двустволки 12-го и 16-го калибра с хорошей отлитой свинцовой пулей, три карабина «Сайга». Патроны заряжены бездымным порохом с капсулом Жевело. Словом, предел всего лучшего, что было у охотобщества «Узола»! Конечно, куда нам до Бухлера! У него самозарядное ружье с оптическим прицелом знаменитой оружейной компании «Зауэр»! Своему оружию сам хозяин придавал какие-то особенные качества, мол, десять медведей уложил, и ни одной осечки – каждый выстрел разил наповал! Во всяком случае, из такого ружья медведя можно свалить даже при самом неудобном раскладе охоты!

Своих собак решили не брать: таково было условие Бухлера. Его Грете исполнилось три года, и у неё имелись собачьи медали, подтверждающие талант признанной медвежатницы – смелой, сильной и вязкой, которая могла не только преследовать убегающего зверя, но и задержать его. Тем не менее распорядитель охоты Куландин решил, что будет нелишним привлечь Гаврюшу Библикова – матёрого берложника, который как нельзя лучше поддержал бы собачку Грету в её трудах. Ведь нюх у Гаврюши чисто волчий: он отыщет тебе медвежье логовище хоть под колодой, хоть в пещерке, хоть в ямке под снегом и буревалом!.. Нечеловеческий нюх, одним словом, истинный Христос! Соваться без Гаврюши Библикова в зимний бор – ковать на себя крамолу, – кому, брат, охота ненароком свалиться сонному зверю в лапы...

Кажется, продумали всё. На опушке леса стояла вызванная на крайний случай дежурная бригада скорой помощи, наряд полиции, локальная радиостанция для связи. Более того, на голове Бухлера была закреплена миниатюрная видеокамера, передающая сигнал на один из немецких телеканалов... Голова варит у этого Бухлера – из всего умеет извлекать выгоду!

– У нас готовность номер один, герр Бухлер! – доложил ему распорядитель охоты.

– Хорошо! Как гофорят у фас ф России, дафайте уже с богом!

Охотничья дружина числом около двух десятков человек и одной немецкой овчарки длинной цепочкой вошла в бор. Впереди на широких лыжах по глубокому снегу торил дорогу Гаврюша Библиков. Заметив на пути малейшие ямки или шероховатости, он останавливался и глубокомысленно изрекал:

– А вот и верный след...

Идущий за ним Куландин тут же одёргивал его, мол, побойся бога, Гаврюша, это же заячий след! На что невозмутимый Гаврюша отвечал, что путный охотник и по заячьему следу доходит до медвежьей берлоги.

Вклинившись вглубь леса на довольно большое расстояние, охотники вышли на чистую поляну. Здесь Исакич с Абрамычем огляделись и в один голос заключили: до предполагаемых берлог двух «президентов» остаётся всего километра два! Куландин принял решение: значит, будем распивать ритуальную круговую чашу прямо на этой поляне! Сбросили лыжи, притоптали снег, сложили в кучу зачехлённые ружья

и вещмешки со снаряжением. По условиям заключённого контракта заказчик должен был своими глазами увидеть весь процесс приготовления ритуального напитка карачун. Пока Герасим Гаранин готовил свой нехитрый инвентарь, собачка Грета начала прочёсывать дебри вокруг поляны.

Куландин разделил охотников на четыре группы, и каждая из них получила свои определённые задачи. Безопасность гостя обеспечивали два лучших стрелка, которые к тому же мастерски владели кинжалами. Даже если зверь будет свален без промаха, у него всё равно хватит ещё сил кинуться и кого-нибудь изувечить; и тут как раз нужно остановить его точным ударом острого клинка. Сам Куландин решил для себя, что он лично отвечает за Бухлера головой, и потому ни на шаг не отходил от него.

Хотя следопыты и утверждали, что до медвежьих берлог ещё далеко, Бухлер доверял только своей Грете и потому на всякий случай дал ей покружить вокруг поляны. Чутьистая и понятливая овчарка осмотрела буревал, перелазила по заснеженным зарослям вокруг поляны, но прочуять и обляять никого не удалось, даже не пикнула.

– Грета дала нам гарантию, что медведя мы не подшумим раньше, чем подойдём к челу берлоги, – сказал Куландин. – Что ж, пришёл черёд Герасима Гаранина. Попросим его замутить для нас ритуальное зелье.

– Давай, Герка, своё «круговое зелье для веселья», а то куражу ни в одном глазу!

5

В записях династии потомственных узольских бытописателей Красильниковых прослеживается подробнейшая история рецептов приготовления карачуна за более чем триста лет. Поначалу напиток готовился из дикого лесного мёда. Богатые бортные ухажья на Узоле сделали мёд основным составляющим ритуального зелья.

Традиционный рецепт карачуна изменился сразу после церковного Раскола, когда в наших лесах обосновались беглые раскольники-старообрядцы. Они привнесли новое дыхание в устоявшиеся нормы и традиции местных жителей. Отныне в медовую основу карачуна добавляли выжатый сок хрена, по определённым меркам, льняное масло, ржаной солод, анис, хмелевые шишки, рябиновый настой. Для улучшения вкуса и цвета старообрядческие «друиды» выжимали сок из зрелых вишен и подливали его в мёд. Напиток, брат, получался настолько крепким и бодрящим, что у охотников появлялись силы необъятные, лёгкость и задор, и мороз их не брал!..

С появлением русской водки из ржи, пшеницы и ячменя – в нашей сельской глубинке её всегда называли не иначе как вино – карачун стали готовить «по-новому», на основе вина, настаивая его на редких пряностях, душистых травах, кореньях, плодах и эфирных маслах, которые придавали напитку неповторимый аромат.

После череды русско-турецких войн в карачуне появилось масло столепестковой турецкой розы и толчёные абрикосовые косточки из Армении. Теперь такая мода пошла – из года в год добавлять в рецептуру какие-нибудь новинки. В старинных записях братьев Красильниковых отмечалось, что уже к началу империалистической войны в карачуне использовалась молотая гвоздика – по вкусу, щепотка измельчённого мускатного ореха, малиновый сок...

Октябрьская революция перевернула русский мир с ног на голову, раскатала исподние жернова, порушила сдерживающие плотины русского уклада и традиций. В потёмках окаянных дней был утерян и рецепт карачуна.

В середине 30-х годов, накануне войны с Германией, Федосей Гаранин, изучая старые записи Красильниковых, возродил позабытый ритуальный напиток: его вновь стали подавать охотникам, но теперь уже как тёплое питьё вроде чая. Зелье варили на меду, настаивали на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и стручковом перце; перед началом охоты напиток подогревали на костре, заливали в круговую чару и передавали расположившейся по кругу дружине охотников.

После Великой Отечественной войны основным сырьём для карачуна снова стала водка. Вернувшиеся с фронта солдаты принесли с собой из Европы горький миндаль, и он, измельчённый, пополнил список уже известных добавок.

Словом, состав ритуального зелья менялся вместе со временем; как и всякое живое творчество, карачун активно откликался на знаки времени, вбирая в себя и радость побед, и горечь поражений, сплавливая их каким-то мистическим образом в ритуальный чудодейственный напиток, приносящий удачу в охоте!

В советские времена для карачуна в самый раз подходила водка «Столичная». После распада Союза узольские «друиды» перепробовали для своего зелья всё – от «Ройала» до «Абсолюта» и в конце концов остановились на «Путинке». Прямое участие в предстоящей охоте немецкого миллиардера обещало самые интригующие и невероятные дополнения в рецептуру карачуна. Поначалу заказчику предложили, мол, если вы пожелаете, мы готовы замутить специально для вас ритуальный напиток на основе немецкого шнапса с добавлением желудей и верескового мёда. На что Бухлер ответил отрицательно: «Ничего не менять! Я еду в Россию ради русских традиций!» Правда, кроме этого, у него было одно пожелание: весь процесс приготовления традиционного охотничьего зелья показать ему на открытом воздухе, в походных условиях...

Что давал людям этот ритуальный напиток карачун? Как можно было объяснить тот благоговейный трепет, какой испытывали охотники, передавая друг другу круговую чару, расписанную яркими хохломскими узорами и заполненную до краёв волшебным зельем?

Тут, брат, не просто чара, а самый что ни есть древний объединяющий символ – магический «славянский круг»! Он придавал русским людям высокое сознание того, что они ещё живы и ещё вместе и что в этом единстве – залог их силы и безопасности, источник вольного русского духа! Они молча передавали по кругу большую деревянную братину, приникали губами к закруглённой кромке расписного бортика и вкушали мелкими глотками этот приятный на вкус, бодрящий напиток на морозном воздухе! С каждым глотком их посещали добрые мысли со всех сторон: вспоминались имена лучших охотников – их отцов и дедов, погибших на войне, метких стрелков, что с любого расстояния попадали белке в глаз, с одного выстрела валили медведя, били птицу на лету... И с этими мыслями через напиток в их кровь проникал вечный и неистребимый дух охотничьей вольницы, дух родного окоёма, знакомого с колыбели! Нет, брат, не измерить эту ценность по ушлой и циничной шкале валютных курсов!

Названный главным чарником карачуна, Герасим Гаранин старательно утоптал снег на середине поляны, расстелил брезентовую скатерть, разложил на нём свои баночки и скляночки, готовясь к таинству приготовления ритуального зелья. А пока он ещё не начал, распорядитель охоты Куландин решил не терять время зря, а провести обязательный инструктаж по безопасности перед охотой.

– Подход к берлоге – самая ответственная минута! – начал он. – Стаемся не шуметь, снимаем лыжи, выбираем чистое, ничем не zagrożенное место для оперативного простора, держим ружья наготове и внимательно следим за поведением собачки Греты. Она должна облаять зверя, наступая с той стороны, куда повернута голова спящего медведя; обычно чело берлоги направлено на восток. Теперь о ружьях. Снимаем рукавицы и держим ружья наперевес. Успех зависит от первого правильного выстрела. Каждый из вас хорошо знает возможности своего оружия. Основные правила стрельбы пулей по вставшему из берлоги зверю: быстрота, меткость, выдержка! Целимся зверю прямо в голову – между ухом и глазом. Если он выскочит из берлоги и не поднимется на лапы, а станет уходить боком, бьём под лопатку! Если зверь убегает по прямой линии, нажимаем на спуск ружья, выцеливая по хребту. Ясно? Самое убойное место – мозг зверя. Мы все помним те печальные случаи, когда с простреленным пулей сердцем медведю удавалось пробегать ещё десятки шагов, успевая изувечить стрелков.

Рассевшись у холмистого заснеженного буревала под ветвистой сосной, охотники слушали Куландина и одновременно следили за волнующей церемонией приготовления карачуна. Главный чарник на глазах у охотников и высокого гостя показывал таинство приготовления старинного ритуального охотничьего напитка. На середине самобраного стола красовалась большая хохломская чаша, расписанная орнаментом с золотыми хмелевыми шишками... Рядом выстроились разноцветные флакончики, баночки, кулёчки, свертки. Ассистировать главному чарнику вызвались Исакич и Абрамыч. Они развязали вещмешки и выставили на брезентовую скатерть бутылок двадцать водки. Потом со знанием дела принялись расторопно откупоривать их и подавать Герасиму Гаранину. Тот, величественно засучив рукава, принимал бутылку за бутылкой и грациозно выливал булькающее содержимое в деревянную братину, сопровождая свои действия подробным комментарием:

– Основу нашего зелья составляет известное всем «стратегическое сырьё» – из расчёта по бутылке на нос! Добавим сто граммов льняного масла – чтобы образовалась защитная плёнка на поверхности! Далее нам понадобятся три щепотки молотого красного перца – для нейтрализации горечи и подъёма общего тонуса, – хорошенько помешиваем; забрасываем двести граммов молотых абрикосовых косточек – для нейтрализации горечи. И, наконец, поверх всего рассыпаем зверобой – для удачи в бою со зверем!.. И всего тринадцать капель святого миро – против сглаза и нечистой силы...

– Герасим Семёныч, побойся бога, пока ты мешаешь, она же вся выдохнется...

– Не учи сороку вприсядку плясать, – одёрнул охотников Куландин. – Семёнычу не впервой, за тридцать лет успел наблошиться в этом деле!

– И то верно, Семёныч у нас – обожжённый кирпич! – подобострастно добавил Исакич. Но главный чарник невозмутимо следовал

пушкинскому завету: хвалу и хулу приемля равнодушно, он не оспаривал глупцов. Продолжая вдохновенно химичить, он достал из своего вещмешка последнее составляющего рецепта магического зелья:

– Поскольку наш гость из Германии, исключительно для него добавлю горсть сушёных лепестков шиповника, растёртого с полынью, – для аппетита!.. Вот теперь, кажется, всё: только нужно дать «зелью» немного настояться...

«Экспедиция» заворожённо уставилась на ритуальную чашу, молча запасаясь терпением. Но уже через минуту не выдержали нервы у Абрамыча:

– Хотя бы чем-нибудь отвлечься, пока эта штука настаивается, – посоветовал он и посмотрел на Бухлера. – Друг Отто, дай-ка нам хоть раз пальнуть из твоего «Зауэра», что ли...

Куландин одёрнул Абрамыча:

– Не приставай к гостю! Зачем патроны зря переводить – вся охота ещё впереди!

– Вовсе и не зря! – настаивал Абрамыч. – Вон сколько пустых бутылок образовалось – будем по ним на спор палить!.. Зараз чуток разогремся перед охотой!..

– Хорошо, – согласился Бухлер, – даю каждому по одному патрону!

Чувствуя себя на голову выше других, гость вальяжно расчехлил свой «Зауэр», заглянул в окуляр оптического прицела, проверил заряды, продемонстрировал серебряное узорчье по бокам, явно испытывая гордость за немецкое оружие, которое, как видно, служит предметом зависти для русских.

– Постафить бутылку на холмик у сосны! – с деланной бравадой предложил Бухлер.

– Эй, Отто, покажи-ка нам кузькину мать! – подбодрил его Куландин.

Грянул выстрел, и почти мгновенный хруст разлетевшейся вдребезги бутылки, что вызвало у охотников бурю восхищённых эмоций.

– Да уж, задиристое ружьецо, как прореху рвёт!

– Ты его наверняка в крови убитых зверей обмывал, признайся, Отто!

– Не иначе кровью ворона вымазал дуло!..

«Зауэр» пошёл по рукам: бах! бах! бах! Бутылка за бутылкой...

– Ну и ружьё, братцы, – подумать только, не особо и целился, а, гляди, попал! – радовался Исакич как малое дитя своей новой игрушке.

– Ставьте, ставьте ещё бутылку!.. – кричали со всех сторон.

И снова – бах! – вдребезги. Жаль, но бутылки очень быстро закончились. В компании разгорелся оживлённый диспут о качестве немецкого охотничьего оружия. Уж кто-кто, а охотники-медвежатники – это элита, эталон охотничьего мастерства. И как раз у них немецкие ружья всегда пользовались успехом. Довольно большая часть российских медвежатников до сих пор склонна считать, что именно их немецкое ружьё происходит-таки из коллекции рейхсмаршала Геринга! А этот бухлерский «Зауэр» – не ружьё, а песня! Что говорить, если даже такая удачная отечественная модель как Иж-54 – и та имеет своим прототипом ружьё «Зауэр»!..

Тема была до того захватывающей, что никто и не заметил, как шевельнулся холм под бутылочными осколками, как из-под снега высунулась сонная медвежья морда и беззвучно повела чёрными ноздрями, вдыхая тревожные запахи человека.

Внезапный медвежий рёв застал всех врасплох. Охотники оцепенели от ужаса: в двух шагах от них из берлоги вывалилось огромное косматое чудище, матёрый хищник...

Как тут не сказать, что, находясь в лесу, надо чаще вспоминать, кто здесь хозяин! Вот он! Грозный, непредсказуемый хищник, при виде которого ноги сами бежать хотят...И «Отче наш» тут не поможет и не спасёт!..

Первым опомнился Бухлер: он ловко вскинул свой «Зауэр»и, уж точно, разможил бы медведю череп. Но – увы! – вместо выстрела раздался лишь безобидный щелчок – все патроны ушли на бутылки, а зарядить по новой не хватило времени...

– Уноси ноги, братцы! – панически бросил Куландин.

– Капут! – простонал Бухлер, метнул «Зауэр» в сторону и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на сосну у берлоги. Овчарку Грету, а вместе с нею и всю «экспедицию» с поляны как ветром сдуло. Хозяин леса заставил себя уважать! Минуту-две он отчаянно протирали лапами сонные глаза, стараясь привыкнуть к дневному свету. Но вот, оклемавшись, внимательно оглядел поляну. Перед ним лежал накрытый «стол» с яствами. А вокруг – зачехлённые ружья, вещмешки, лыжи... Зверь медленно обошёл всё, принюхиваясь, дотрагиваясь, облизываясь. Его внимание особо привлекла яркая братина – от неё исходили загадочные и манящие запахи... Медведь долго обнюхивал чашу, потом из любопытства запустил в неё лапу, вытащил, облизал, фыркнул, но отходить и не подумал. Немного постоял, причмокивая и качая головой, потом не стерпел – сунулся в чашу носом... Видимо, зверю захотелось пить, а тут была хоть какая-никакая, а всё ж таки жидкость. Отодвинув лапой зверобой с поверхности, медведь жадно приник к чаше и, захлёбываясь, стал заглатывать крупными глотками ритуальное зелье. Время от времени он отрывался, отчаянно мотал головой и рычал.

Отто Бухлер с замиранием сердца наблюдал эту картину и глазам своим не верил: медведь вылакал почти всё из чаши, как самый заядлый выпивоха. Милое дело, нечего сказать! Что-то будет дальше... Зверь вскоре обмяк и стал икать, как это бывает у алкашей после обильного возлияния. Мало-помалу его начало качать и гнуть к земле. Громко фыркая, с тяжёлым хрипом он завалился на бок и застонал...

– Майн гот!.. Майн гот!.. – повторял дрожащими губами Бухлер, наверняка уже трижды пожалев о том, что дал себе ввязаться в этот русский форс-мажор, где недолго и шею себе свернуть.

А карачун продолжал делать своё губительное дело. Медведь то скулил, как побитый щенок, то отчаянно бился в конвульсиях, до крови расцарапывая себе живот когтистыми лапами... Наконец, его силпый скулёрж перешёл в долгий и почти человеческий стон, хотя трудно было себе представить, что это громадное косматое чудище способно так жалобно стонать! Агония продолжалась около получаса. Зверь в последний раз дёрнулся и затих...

От напряжения у Бухлера сильно затекли руки и ноги. А ослабить их означало упасть вниз, прямо на лежащего под деревом медведя. Бухлер невольно подал голос, окликнув единственно близкое ему германское существо в этой чужой и неприветной стране:

– Гретхен!.. Гретхен!..

Ему почудилось или это было на самом деле – где-то рядом залаяла собака.

– Гретхе-е-е-ен!!! – заорал на весь лес Бухлер, на радостях неосторожно разжал руки и полетел вниз...

Через некоторое время, когда охотники с опаской подкрались и ступили на притихшую поляну, их изумлённому взору предстала

невероятная картина: веришь ли, Отто Бухлер лежал верхом на медведе, крепко обняв его, и при этом ни он, ни медведь не подавали признаков жизни...

– Подойдём поближе...

– Мужики, не дрейфь, им обоим, видать, карачун...

– Ай-да Бухлер! Неужели медведя задушил и сам пал?..

– Нет, постойте, зверюга может прикинуться... – остановил всех Куландин.

– А что, задушил одного, а теперь прикинулся мёртвым, чтобы своим манером и нас того...

Куландин, улучив минуту, успел расчехлить свой карабин, и, подойдя к зверю со стороны головы, внимательно посмотрел на его уши: так и есть, – они были прижаты к голове!.. А охотники хорошо знают: это верный признак, что медведь ещё жив. Не теряя времени, Куландин резко подошёл, приставил дуло карабина к косматой медвежьей голове и выстрелил. Зверь дёрнулся и затих, уши медленно выпрямились...

– У-ух! – облегчённо выдохнул распорядитель охоты. – Вот, теперь у нас полный карачун.

Охотники переключились на Бухлера, подняли и переложили его на снег. Тут и Грета объявилась и, словно извиняясь за проявленную трусость, принялась старательно облизывать лицо хозяина, чтобы заслужить его прощение.

– Эй, герр Бухлер, а герр Бухлер, ты живой? – слегка похлопал Куландин по пухлым щекам миллиардера. – Лицо у него чистое, вроде не помятое, и крови не видно...

– У него шок, – заключил Гаврюша Библиков. – Надо натереть снегом, он очнётся.

И в самом деле, как только потёрли снегом, Бухлер открыл глаза, отрешённо уставился в холодное зимнее небо и Наверняка подумал, что уже оставил этот земной мир. Собака Грета продолжала радостно облизывать ему лицо.

– Майн гот... Гретхен... – пролепетал он, крепко прижав к себе голову любимой овчарки.

– Ура-а-а!!! – дружно закричали охотники, подняли Бухлера на руки и несколько раз высоко подбросили вверх, как это делают на радостях с героями-победителями.

Когда радость улеглась, мужиков озадачил вопрос: как же медведь оказался поверженным? Ведь никто не стрелял! Признайся, мол, Отто, уж не ты ли задушил бедного зверя? В ответ Бухлер грустно показал на пустую ритуальную чару:

– Этот сфинья фсё вылакал!

– Как?.. Медведь... Наше зелье?!

Удивление и потрясение было настолько сильным, что охотники долго не могли найти слов. Матёрый исполин лежал у их ног, поверженный уже до того, как распорядитель охоты Куландин пустил ему пулю в череп! Глаза у зверя повывлазили из орбит, оскалившаяся морда застыла, а обильная белая пена всё ещё пузырилась на острых клыках, свидетельствуя о недавних страшных мучениях.

– Ай да зельце, братцы, ай да карачун! – воскликнул Исакич, переворачивая пустую братину.

– Герр Бухлер, а вот и твои очки нашлись, – подошёл Герасим Гаранин. – Скажи, ну, ты видел, как этот зверь пил зелье?

– О, я, я, очень хорошо фидел! Он фыпил фсё!

– Да-а-а! – почесал затылок Герасим Гаранин. – Жаль, что мне самому не удалось попробовать. Интересно было бы узнать, что получилось. Я так старался...

– Не отчаивайся, брат Семёныч, ты действительно большой мастер: зелье у тебя вышло похлеще нейтронного оружия, ей-богу! Гляди, какую силищу завалило!

Охотники окружили поражающую своими размерами медвежью тушу.

– Чёрт побери, а федь этот коктейль был готов для нас, – многозначительно заключил миллиардер Бухлер, и от этой фатальной догадки челюсть его резко отвисла...

Воцарилось философское молчание.

....Через два дня военный вертолёт с Бухлером на борту взял курс на Москву. Пролетая над заснеженными заволжскими лесами, миллиардер думал о том, как бы на таможне у него не возникли проблемы с провозом медвежьей шкуры. Он уже решил подстелить этот драгоценный трофей на полу в гостиной своего охотничьего домика. Приятно было думать о том, что вечерами, сидя у тёплого камина, он будет рассказывать всем об этой невероятной охотничьей истории, приключившейся с ним в России. С этой мыслью он блаженно закрыл глаза; перед его мысленным взором встали раскрасневшиеся и расплывшиеся в улыбках лица русских охотников... Да, они устроили ему самый настоящий праздник и, наверное, были очень довольны, что это им удалось. Как искренне и тепло они прощались с ним, дружно махали ему руками, приглашая поохотиться и на следующий год! С верой, может быть, наивной, он вполне допускал такую возможность. Но сейчас, пролетая над заснеженной Россией, он подумал о том, что эти несколько дней, проведённых здесь, возможно, станут самыми счастливыми и незабываемыми в его жизни! И в ответ своим мыслям, с блаженством облизывая губы, как бы пробуя на язык, он с ликованием выкрикнул на весь салон: «Ка-рат-шю-ю-ю-ун!!!»